

В. И. Мордвинцева

О МЕСТЕ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ФАЛАРОВ ЯНЧОКРАКСКОГО КЛАДА

Предметы парадной конской упряжи, найденные у с. Янчокрак Мелитопольского уезда в 1906 г., неоднократно привлекали внимание исследователей. Полностью или частично, они были опубликованы в различных изданиях (Pharmakowsky 1908: 190-191, abb.21-22; Спицын 1909: 28, рис.80-81; Ростовцев 1993: 42, таб.4/3; Fettich 1953: 143, abb.15; Гущина 1969: 43-51; Смирнов 1984: 103-104, рис.48; Шукин 1994а: 145, 160-161, рис.57/4, рис.58). Практически все исследователи обращали внимание на обилие восточных деталей в декоре этих блях. Это послужило причиной появления точки зрения о восточном, "греко-ирано-индийском" происхождении Янчокракского и подобных ему наборов (Ростовцев 1993: 44). К.В.Тревер сближала их с изделиями греко-бактрийской школы торевтики (Тревер 1940: 55, 61, 65-67). Однако, Н.Феттих, сопоставив находки фаларов из Венгрии, Болгарии и Румынии с южнорусскими экземплярами, в том числе из Янчокрака, высказался в пользу их ольвийского производства в I в. до н.э. - первой половине I в. н.э. (Fettich 1953: 169-171, 177). И.И.Гущина не сочла возможным присоединиться к какой-либо одной из указанных точек зрения и оставила открытым вопрос о месте производства фаларов Янчокракского клада, указав при этом на сочетание греческих и восточных мотивов в их орнаментации (Гущина 1969: 51). На основании находки в составе клада ручки бронзовой паты, она датирует весь комплекс временем не ранее I в. до н.э. (Гущина 1969: 50-51). М.Б.Шукин связывает появление в Европе наборов фаларов, аналогичных янчокракскому, с деятельностью Митридата Евпатора и, судя по всему, склоняется

в пользу их малоазийского происхождения (Шукин 1994а: 151). При этом он не исключает и возможности производства этих блях, изображения на которых изобилуют различными восточными мотивами, кочующими мастерами-торевтами (Шукин 1994а: 149). В этом отношении он солидарен с Т.Тайлором, недавно высказавшемуся в том же духе по поводу изготовления котла из Гундеструпа (Taylor 1992).

Таким образом, в литературе до сих пор не существует единого мнения по поводу места производства фаларов Янчокракского клада. Это обстоятельство и заставило нас еще раз обратиться к материалам этого замечательного памятника¹.

В состав клада входят: 1 фалар с изображением крылатого божества (Рис.1/1), 1 фалар с изображением сфинкса (Рис.1/3), 2 фалара с изображением растительной розетки с крестом в центре (Рис.2/4), 2 фалара с изображением растительной розетки (Рис.2/1), фрагмент фалара того же типа, что и две пары предыдущих, 2 небольших фалара с изображением розетки (Рис.2/2-3), маленький фалар с изображением розетки и отверстием в центре (Рис.1/2).

Все фалары сделаны из тонкого листа серебра со слабыми следами позолоты. Высокий рельеф выполнен в технике выколоти. Край имеет подтреугольную форму.

Рельефные изображения на фаларах выполнены с помощью тиснения по твердой модели. После этого заготовка была доработана, на нее нанесен орнамент различного рода чеканами и пунсонами.

Изображенное на одном из фаларов кры-

¹ Выражаю глубокую признательность Ирине Ивановне Гушиной, предоставившей мне возможность познакомиться с публикуемыми вещами.

латое божество (Рис.1/1) различные исследователи рассматривали по-разному. М.И.Ростовцев затруднялся определить пол божества, но в конце концов отождествил его с Аполлоном-Митрой, на что в большой степени повлияла его интерпретация изображения на другом фаларе (налобной бляхе) из того же клада как грифона (Ростовцев 1993: 42). К.В.Тревер видела в янчокракском божестве "смешение Ники, Деметры и Горгоны, если оставаться в кругу античного пантеона, и Хванинды, Дхишаны и опять-таки Горгоны, если говорить о пантеоне местном" (Тревер 1940: 61). Под "местным пантеоном" К.В.Тревер априорно подразумевала пантеон греко-бактрийский. Точку зрения К.В.Тревер поддержала в более осторожной форме И.И.Гущина (Гущина 1969: 49), которая считает, что на янчокракской бляхе, как и на фаларе из Галиче, изображена Великая богиня.

Прежде чем высказывать собственные предположения, укажем на детали, характеризующие янчокракское божество. На фаларе, во внутреннем медальоне, помещено поясное изображение крылатого божества анфас. На голове его венок из широких остроконечных листьев, - скорее всего, стилизация плюща. М.И.Ростовцев полагал, что на голове янчокракского бога изображен лавровый венок. Но листья лавра изображались всегда длинными и узкими. Иконография же плюща как нельзя более подходит к нашему случаю. В качестве примера можно привести плющ, обвивающий пантеру с северского или таганрогского фаларов, на которых в качестве одного из изображенных персонажей фигурирует Дионис (Спицын 1909: 38, 42, рис.41, 54).

В центре прически Янчокракского божества помещены две линии в виде латинской буквы V, - видимо, часть прически. На лбу повязана диадема. Шею обвивает трехвитковая гривна. Ничто не указывает на пол божества. Лицо персонажа - безбородое, грудь - плоская. Но если отсутствие усов и бороды на лице у мужского персонажа может указывать только на его молодость, то на изображениях богинь грудь всегда подчеркивалась. Наглядный пример тому бляха из Галиче, с которой сопоставлялось янчокракское изображение сторонниками интерпретации его как женского персонажа (Гущина 1969: 49).

В правой руке божества изображена розетка, - культовый сосуд в жесте возлияния.

Подобные изображения вообще характерны для эллинистической торевтики. Например, в такой же позе изображен Посейдон на медальоне конца II в. до н.э., произведенного в Египте или Западной Малой Азии (Kunzl 1979: 287, 295, abb.164).

В левой руке божество держит плод, прижимая его к груди. Такой же жест изображен на множестве надгробных памятников Боспора II-I вв. до н.э., как мужских, так и женских (Сокольский 1976а: рис.7-8,12; Античная скульптура 1987: N 137). Исследователи данных памятников рассматривают этот плод как яблоко или гранат, символизирующие смерть и обещающие новую жизнь. Гера, когда-то бывшая богиней смерти, держит в руке гранат (Грейвс 1992: 78). Гранат связан также с Дионисом, из крови которого выросло гранатовое дерево (Еврипид, Вакханки 99-102).

Справа от божества изображена хищная птица. Вряд ли это орел, как считал М.И.Ростовцев (Ростовцев 1993: 42). У орла, а также у других представителей отряда дневных хищных птиц имеется округлая, сравнительно небольшая голова, короткий, сильно загнутый клюв, длинные широкие крылья. Вытянутая плоская голова, длинный клюв, короткое, заостренное сверху крыло янчокракской птицы свидетельствуют скорее о том, что перед нами ворон. Такая же птица изображена на кубке из Аджигьола (Румыния) второй половины IV в. до н.э. (Венедиков, Герасимов 1977: N 145).

Что же за божество помещено на янчокракском фаларе? Подчеркнутая андрогинность данного персонажа, венки из ветки плюща, жест возлияния из чаши, плод граната, - эти детали наводят на мысль о том, что перед нами Дионис, точнее его варварский эквивалент. На варварское, видимо восточное, происхождение данного персонажа указывают поза божества, загнутые сверху крылья, одежда (халат?), пояс с бахромой, многовитковая гривна на шее, браслеты на руках (на запястьях и предплечье). Особо подчеркнуты в изображении данного персонажа функции его как божества плодородия и загробного мира. Сходные иконографически изображения с деталями явно восточного происхождения известны на фракийских и кельто-фракийских изделиях (Gold of... 1987: Kat.NN 501, 572-573; Koul etc 1991: fig.10, 21-24, 27-34).

Что касается фалара с изображением фан-

тастического животного (Рис.1/3), то М.И. Ростовцев видел в нем ушастого орлиноголового грифона (Ростовцев 1993: 42). И.И.Гущина интерпретирует его как фигуру льва с головой человека (Гущина 1969: 49). По мнению М.Б.Шукина (Шукин 1994а: 53), к которому я присоединяюсь, на фаларе изображен крылатый сфинкс. Но в данном случае мы не имеем дело с классическим образом, каким мы его видим на греческой расписной керамике (Горбунова 1983: NN 8, 35, 96, 174), серебряном арибалле из Армении (Лордкипанидзе 1976: рис.9), боспорских нашивных бляшках IV в. до н.э. (Силантьева 1959: рис.38, 11, 15, 16) и других вещах. Изображение на янчокракском фаларе весьма своеобразно: задние ноги заканчиваются копытами, а передние напоминают человеческие ноги. Перед сфинксом находится овальный щит с круглым умбоном, ребром и растительным орнаментом. Щит покрыт такой же шкурой, что и шкура самого сфинкса. Объяснить данный мотив довольно затруднительно, но, видимо, он должен быть как-то связан с изображением на большой бляхе того же клада.

По своему происхождению изображенный на данном фаларе мотив вероятнее всего связан с причерноморским регионом. М.Б.Шукин высказал предположение, что щит янчокракского сфинкса украшен характерным кельтским умбоном (Шукин 1994б: 149). Овальные щиты с растительным орнаментом изображены на ножнах меча из Гальштатского могильника VI-V вв. до н.э. (Граков 1977: рис.22). Среди боспорских терракот III-I вв. до н.э. есть серия статуэток, изображающих воинов с большими кельтскими щитами. Появление их связано с присутствием в войсках Спартокидов в III-II вв. до н.э. наемников-галатов (Масленников 1981: 84, рис.14). В конце II - первой пол. I вв. до н.э., при Митридате VI, жители Боспора могли наблюдать воинов-галатов, находившихся в митридатовой армии (Пругло 1966: 209-210). Но, на наш взгляд, янчокракское изображение щита не является точной копией кельтских щитов. Растительный орнамент украшает также и римские щиты (Instinsky 1971: Taf.2; Древние... 1989: 396, 434). Возможно также, что в данном случае мастер передал какой-то особый тип щита (предмет культа?), о чем говорит изображенное на нем покрытие из шерсти.

Изображенные на этих и остальных фаларах розетты и различные варианты растительных и геометрических орнаментов пользовались огромной популярностью в позднеэллинистическое время практически на всей территории древней ойкумены. Они имеют многочисленные аналогии среди драгоценной посуды, найденной в Северном и Северо-Западном Причерноморье, Западной Европе, Иберии и Малой Азии (Венедиков, Герасимов 1973: NN 351-352; Pfrommer 1993: Kat.N 4-12, 67, 75-76; Raddatz 1969: taf.10/56, taf.24/2-3, taf.27/1, taf.29/1a-c; Strong 1966: pl.31A; Oliver 1977: NN 7, 11, 21, 35, 40-44; Courby 1922: fig.75). Аналогичные орнаменты украшают также рельефную керамику, т.н. "мегарские чаши" (Courby 1922: fig.64-67, 86; Parlasca 1955: abb.1, 3-4). Наиболее известные центры производства таких чаш располагались на о.Делос, в Аттике (Афины), Малой Азии (Пергам, Приена и др.). Известны находки "мегарских чаш" и в Северном Причерноморье (Толстикова 1992: рис.23; Самойлова 1984: рис.1-3; Шелов 1970: 168-169, рис.1-9), в том числе боспорского производства (Courby 1922: 408-410, fig.89; Самойлова 1984: 121).

Гипотеза о "греко-бактрийском" производстве публикуемых фаларов базируется, в основном, на множестве восточных элементов в их декоре (одежда, гривна, браслеты, загнутые вверх крылья и др.). Это, на наш взгляд, говорит скорее о близости духовного плана между янчокракскими изображениями и вещами, чье восточное (греко-иранское, греко-индийское и пр.) происхождение можно считать доказанным (Спицын 1909: рис.74-76, 79; Тревер 1958; Мордвинцева 1996б). В эпоху эллинизма наблюдается не только мощное влияние греческой культуры на варварский мир, но и не менее мощное обратное влияние. Восточные мотивы и элементы орнамента фиксируются на предметах, найденных не только в поясе восточноевропейских степей, что совсем не удивительно, учитывая активные миграционные процессы там происходившие, но и далеко на Западе, - в Средней и Западной Европе (Allen 1971: pl.XIb, XV, XVIa-b). Очевидно, именно эту духовную близость имел в виду М.Б.Шукин, объединяя предметы торевтики от Монголии (Ноин-ула, Няксимволь) до Британии (Сарк) под общим названием "греко-бактрийского стиля" (Шукин 1994а:

145-146, 149, 151-152; Шукин 1994б). Однако, если эти культурные влияния оказывали неоспоримое влияние на содержательную сторону изображаемого, то они очень мало сказывались на традициях производства самих вещей. Поэтому в поиске возможного места производства янчокракских фаларов большое значение имеют ареал распространения типа упряжи, к которому они относятся, стилистические особенности помещенных на них изображений, а также техника их изготовления.

Форма, размеры и конструкция фаларов янчокракского набора позволяют сделать предположения относительно функционального назначения каждой конкретной бляхи, ее места в конской упряжи.

Четыре крупных полусферических фалара с помощью двух крестообразно пересекающихся полос крепились, по всей видимости, к наплечным ремням конской сбруи. Изображения конских уборов с двумя парами наплечных блях известны среди памятников Северного Причерноморья и Европы эллинистического и раннеримского времени (Сокольский 1976б: рис.58, 3,7; Kaul etc 1991: fig.8; Domaszewski 1885, рис.88). Находки наплечных фаларов такого типа сконцентрированы на территории Северного и Северо-Западного Причерноморья, на Нижнем и Среднем Дону и в Прикубанье (Спицын 1909: 27-28, рис.51-55, 57-68; Костенко 1978; Сибильов 1936: табл.V, 7; Анфимов 1987: 198-199; Шоков, 1960). Основная часть этих находок датируется II-I вв. до н.э. (Абрамов 1961: 96; Гущина 1969: 49, 51; Смирнов 1984: 86, 110).

Наиболее крупная по размерам бляха с изображением крылатого божества (Рис.1/1), по всей видимости, являлась нагрудным фаларом, крепящимся к горизонтальному ремню с помощью двух железных скоб.

Одиночная бляха с изображением сфинкса (Рис.1/3), несмотря на довольно большие размеры (D=13,7 см), скорее всего, представляла собой лошадиный налобник, составлявший своеобразную пару нагрудному фалару. Аналогичная пара блях (нагрудная и налобная) имеется в составе находок у Таганрога (Спицын 1909: 27) и Галиче (Fettich 1953: abb.5-6). На сочетание в одном парадном упряжном наборе двух непарных, - большой и малой, - блях обратил внимание уже М.И. Ростовцев (Ростовцев 1993: 42). Эта деталь конского убора характерна только для при-

черноморских находок, и нигде более до сих пор не зафиксирована.

Две небольших бляхи (D=8,3-8,5 см) относятся к уздечке (Рис.2/2-3). Видимо, они располагались на перекрестных ремнях оголовья. Маленькая бляшка с отверстием посередине (Рис.1/2) ранее рассматривалась как ворворка (Гущина 1969: 44, 48, рис.2/9). Однако, некоторые ее морфологические особенности не позволяют нам согласиться с такой интерпретацией. В упряжных наборах ворворки использовались как наконечники ремней. Подавляющее большинство таких подвесок, в том числе ворворки из состава Федюловского клада (Берхин 1962: 34), приведенные И.И.Гущиной в качестве аналогии янчокракской бляшке, имеют конусовидную форму, причем высота их обычно превышает диаметр. Диаметр янчокракской бляхи, наоборот, значительно больше ее высоты. Кроме того, отверстие в верхней ее части слишком велико для ремня (D=1 см), а по краям бляшки, друг напротив друга, пробиты 2 отверстия, - следы от заклепок. В составе раннесарматских находок обычно находят несколько ворворок. Янчокракская бляшка - единственная в наборе. Аналогичные ей по форме, размерам и орнаментации бляшки из Клименковского и Балаклеевского кладов также найдены по одной в наборе (Яценко 1962: 43, рис.15/7; Смирнов 1984: рис.38/5) и, видимо, также ворворками не являются.

Функциональное назначение этой небольшой серии вещей до сих пор остается неясным. Не исключено, что с помощью такой бляхи крепился "султанчик" у лошади (Рис.3).

Таким образом, анализ морфологических особенностей фаларов Янчокракского клада показал, что все они относятся к вполне определенному типу упряжи (тип II), широко распространенному в степях Восточной Европы во II-I вв. до н.э. и продолжавшему здесь бытовать также в I в. н.э. (Мордвинцева 1996а: 20).

Некоторые фалары Янчокракского клада (налобная и нагрудная бляхи, бляха для крепления "султанчика") характерны только для наборов, найденных на территории Северного и Северо-Западного Причерноморья. В других регионах подобные находки не отмечены. Если исходить из тезиса о том, что использование стандартных украшений конской сбруи, скорее всего, носило у кочевников этничес-

кую окраску, то вряд ли можно связать изготовление этих наборов с отдаленными производственными центрами, например, с территорией Греко-Батрии, как это делала К.В.Тревер, тем более, что в это же время там производились наборы другого типа, выполненные в иной стилистической манере и получившие широкое распространение на восточной периферии сарматского мира (Мордвинцева 1996а: 11-12, 19).

Таким образом, ареал поиска возможного места изготовления Янчокракского упряжного набора неизбежно должен быть ограничен циркумпонтийским регионом, — зоной непосредственных контактов сарматских племен, употреблявших такие наборы, с производственными центрами, где эти последние могли быть изготовлены. С одинаковой степенью вероятности это могли быть ювелирные мастерские городов Малой Азии или Северного Причерноморья. Выбор одного из этих регионов должен быть подкреплен анализом стилистических особенностей и техники изготовления помещенных на янчокракских фаларах изображений.

Весьма соблазнительно было бы связать изготовление янчокракских фаларов с городами Малой Азии. Дата Янчокракского и многих других комплексов с фаларами - конец II-I в. до н.э. - совпадает по времени с деятельностью царя Понта Митридата VI Евпатора, который активно привлекал сарматов в качестве союзников в борьбе с Римской державой. Богатые упряжные наборы могли быть дипломатическими дарами сарматским вождям. О существовании у греков традиции таких подношений свидетельствует один эпизод, описанный Плутархом (Плутарх..., Агес. XIII). Именно с Митридатовыми войнами многие исследователи связывают появление в степях Восточной Европы античных импортов, в том числе и малоазийского производства (Марченко 1994: 61; Раев, Симоненко, Трейстер 1990: 124-125; Шукин 1992: 112; Раев, Яценко 1993: 116-117; Засецкая, Марченко 1995: 100). Вполне вероятно, что в результате связей с малоазийскими государствами среди прочих вещей в причерноморские и прикубанские степи попадают и некоторые уздечные наборы. Во всяком случае, не подлежит сомнению тот факт, что в городах Малой Азии производились фалары. В Парижской Национальной библиотеке хранится бляха с надписью Митридата Евпатора (Allen 1971: pl.XIV).

Фалар выполнен в характерном для этого времени "причерноморском графическом" стиле (Мордвинцева 1996а: 12-14). Однако, форма фалара, особенности композиции и набор элементов орнамента (способ передачи шерсти животных - "елочка", выпуклая волнистая линия по бортику, поле украшено точечными наколами, составляющими особый растительный орнамент и др.) существенно отличают его от янчокракских блях. Более точные стилистические параллели ему имеются в Центральной и Западной Европе - фалары из Лейдена, Старой Загоры, Сарка и др., - т.н. "кельтская группа" фаларов (Allen 1971: 17). И хотя в мастерских Малой Азии производились скорее всего бляхи с различными вариантами декора, тем не менее гораздо более вероятным представляется производство янчокракских фаларов не в Юго-Западном, а в Северном Причерноморье, где найдено большое количество фаларов, совершенно аналогичных им по морфологическим и стилистическим особенностям.

Наиболее точную стилистическую параллель Янчокракским изображениям составляют фалары Таганрогской находки. Они довольно близки между собой по композиционному решению. Совпадают приемы, которыми пользовался мастер при показе отдельных частей тела персонажей, глубина и объем их показаны не рельефно, а с помощью прочерченных линий. Во всех случаях не соблюдены пропорции головы по отношению к туловищу. Этот изобразительный принцип вообще является характерной чертой варварских изображений. Мастер довольно часто использует профильные развороты, при этом морды животных и лица людей почти совершенно плоские. Позы и жесты персонажей парадные, как бы застывшие. Совпадают некоторые детали изображения на всех этих фаларах, - глаза, губы, показанные валиками, способ показа волос людей и гривы лошади, а также другие моменты: например, шея лошади на фаларе из Таганрога и тело сфинкса покрыты С-видными завитками, выполненными особым пунсоном. В основе этих изображений, как было показано выше, лежат греческие сюжеты, которые, видимо, были совершенно переосмыслены в варварской среде и воспринимались уже в другом контексте.

Еще шире круг точных параллелей растительным и геометрическим орнаментам

янчокракских фаларов. Некоторые бляхи из Булаховки составляют им полную аналогию (Смирнов 1984: рис.52/1, цв.вклейка 1-2). Близкие аналогии им имеются также в составе кладов из Балаклеи, Булаховки, Жутово (к.27), Кореновска, Таганрога и др. (Спицын 1909: 27, рис.51-55, 57; Мордвинцева 1994; Сибильов 1936: табл.V, 7; Анфимов 1987: 198-199). Характерной чертой декора этих блях является такой элемент орнамента, как "овы", выполненные особым пунсоном, - полутрубочкой с насечками. Листья аканфа обычно украшаются окончаниями в виде стрелок. Ряд элементов декора, - "точечный фон", бегущая волна, зигзаг, выпуклые валики с насечками и др., - сближают эти и другие вещи, найденные в причерноморских, прикубанских и волго-донских комплексах, с серебряными изделиями из Болгарии, Румынии и Венгрии. Практически все они имеют треугольную закраину по бортику, полусферическую форму, одинаковые приемы крепления к сбруе. О близости стиля и техники исполнения южнорусских и дакийских находок достаточно основательно высказался в свое время Н.Феттих (Fettich 1953). Однако северопричерноморские бляхи в достаточной мере самобытны. На дакийских фаларах, например, ни разу не встречены самые популярные мотивы вещей северопричерноморской группы — "овы", выполненные с помощью пунсона-полутрубочки с насечками, и стреловидные окончания листьев. Кроме того, при сравнении южнорусских фаларов с дакийским серебром, скажем, с бляхами из Галиче или Хераштреу,

вполне очевидны различия в антропологическом облике изображенных на них лиц. На фаларах из Янчокрака изображены низколицые, на бляхах из Галиче и Хераштреу - высоколицые персонажи, причем антропологический тип последних весьма характерен для Северной Европы. С другой стороны, изображение всадника из Серче в антропологическом отношении аналогично сфинксу с янчокракского фалара. Определенно близки эти бляхи и в отношении их орнаментации, и композиционно. Композиционная близость ощущается и в портретах богини фалара из Галиче и янчокракского божества, что отмечалось многими исследователями. Как уже упоминалось, туловище сфинкса и щит на налобной бляхе из Янчокрака, а также шея лошади, изображенной на одном из таганрогских фаларов, покрыты С-видными завитками, нанесенными особым пунсоном. Такие же завитки встречены и на серебре дакийских кладов (Fettich 1953: abb.17a, 23/2). Судя по всему, фалары из Янчокрака и Таганрога, с одной стороны, и фалары из Галиче, Серче, Хераштреу, с другой, - относятся к одной школе торевтики, но изготовлены они, по-видимому, были все же в разных ремесленных центрах. Бляхи конского убора из состава Янчокракского клада были, скорее всего, выполнены в мастерских Боспора или Ольвии. Что же касается дакийских находок, то тезис об их ольвийском происхождении, выдвинутый в свое время Н.Феттихом, нуждается на наш взгляд в дополнительной аргументации.

Список литературы

- Абрамова М.П. 1961. Сарматские погребения Дона и Украины. // СА N 1.
- Античная скульптура, 1987. М..
- Анфимов Н.В. 1987. Древнее золото Кубани. Краснодар.
- Берхин И.П. 1962. О месте производства серебряных фаларов из "Федуловского клада". // СГЭ, вып. XXII. Л.
- Венедиков И., Герасимов Т. 1977. Тракийское искусство. София.
- Гобунова К.С. 1983. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л..
- Граков Б.Н. 1977. Ранний железный век. М..
- Грейвс 1992. Мифы древней Греции. М..
- Гущина И.И. 1969. Янчокракский клад. // Древности Восточной Европы. М..
- Древние... 1989. Древние цивилизации. М..
- Засецкая И.П. Марченко И.И., 1995. Классификация стеклянных канфаров позднеэллинистического и раннеримского времени. // АСГЭ N 32. С.-Пб..
- Костенко В.И. 1978. Комплекс с фаларами из сарматского погребения у с.Булаховка. // Курганские древности степного Поднепровья III-I тыс. до н.э.. Днепропетровск.
- Лордкипанидзе О.Д. 1976. Новые материалы к истории связей Афин с Колхидой. // Художественная культура и археология античного мира. М..
- Марченко И.И. 1994. Царь Гатал и Прикубанье. //

- Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар.
- Масленников А.А. 1981. Население Боспорского государства в VI-II вв. до н.э. М.
- Мордвинцева В.И. 1994. Серебряные фалары из Жутовского курганного могильника. // ПАВ N 8. СПб.
- Мордвинцева В.И. 1996а. Фалары конской упряжи на территории степной Евразии в III в. до н.э. - первой половине II в. н.э.. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. кандидата ист. наук. СПб.
- Мордвинцева В.И. 1996б. Фалары с изображением Беллерофонта из Уральской области. // РА N 4.
- Пругло В.И. 1966. Позднеллинистические боспорские терракоты, изображающие воинов. // Культура античного мира. М.
- Раев Б.А., Симоненко А.В., Трейстер М.Ю., 1990. Этруско-италийские и кельтские шлемы в Восточной Европе. // Древние памятники Кубани. Краснодар.
- Раев Б.А., Яценко С.А. 1993. О времени первого появления аланов в юго-восточной Европе (тезисы). // Скифия и Боспор. Новочеркасск.
- Ростовцев М.И. 1993а. Сарматские и индо-скифские древности. // СКИФИКА. Избранные труды академика М.И.Ростовцева. ПАВ N5. СПб.
- Самойлова Т.Л. 1984. Рельефная керамика эллинистического времени из раскопок Тиры. // Северное Причерноморье. Киев.
- Сибильов М. 1936. Фалари Изюмщины. // Хроніка археології та мистецтва. Київ.
- Силантьева Л.Ф. 1959. Некрополь Нимфея. // Некрополи боспорских городов. М.
- Смирнов К.Ф. 1984. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.
- Сокольский А.И. 1976а. Вопросы скифской скульптуры // Художественная культура и археология античного мира. М.
- Сокольский А.И. 1976б. Таманский толос и резиденция Хрисалиса. М.
- Спицын А.А. 1909. Фалары южной России // ИАК. Вып. 29. СПб.
- Толстикова В.П. 1992. Пантикапей - столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М.
- Тревер К.В. 1940. Памятники греко-бактрийского искусства. М.-Л.
- Тревер К.В. 1958. Бронзовый фалар, найденный в Сталинабаде // Сообщения республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР. Сталинабад.
- Шелов Д.Б. 1970. Танаис и Нижний Дон в III-I вв. до н.э. М.
- Шоков А.Ф. 1960. Фрагменты сарматского блюда и фалара с берегов Дона. // Труды Воронежского областного краеведческого музея. Воронеж.
- Щукин М.Б. 1992. Некоторые замечания к вопросу о хронологии Зубовско-Воздвиженской группы и проблеме ранних алан. // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. I. Новочеркасск.
- Щукин М.Б. 1994а. На рубеже эр. СПб.
- Щукин М.Б. 1994б. От Индии до Ла-Манша. О фаларах греко-бактрийского типа, сарматах, кимврах и политике Митридата Евпатора. // Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск.
- Яценко И.В. 1962. Раннее сарматское погребение в бассейне Северского Донца. // КСИА N 89.
- Allen D.F. 1971. The Sark Hord. Oxford.
- Courby F. 1922. Les Vases Grecs a Reliefs. Paris.
- Domaszewski A. 1885. Die Fahnen im römischeersenen Abhandlungen des Archäologisch-epigraphischen Seminars der Universität Wien. Wien.
- Fettich N. 1953. Archäologische Beiträge zur Geschichte der sarmatisch-dakischen Beziehungen. // Acta Archaeologica Hungarica. V. III. Budapest.
- Gold of... 1987. Gold of the Thracian Horsemen. Treasures from Bulgaria. Montreal.
- Instinsky H.U. 1971. Der spätrömische Silberschatzfund von Kaiseraugst. Mainz.
- Kaul etc, 1991. Kaul F., Marazov I., Best J., Vries N.de. Thracian Tales on the Gundestrup Cauldron. Amsterdam.
- Kunzl E. 1979. Zum hellenistischen Silber des Grabes von Es Soumaa bei El Khroub. // Die Numider. Köln.
- Oliver A. 1977. Silver for the Gods. 800 Years of Greek and Roman Silver. Toledo, Ohio.
- Parlasca K. 1955. Das Verhältnis der Megarischen Becher zum Alexandrinischen Kunsthandwerk. // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. B. 70. Berlin.
- Pfrommer M. 1993. Metalwork from the Hellenized East. Malibu, California.
- Pharmakowsky B. 1909. Archäologische Funde im Jahre 1907. // Archäologischer Anzeiger. Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Band 23.
- Raddatz K. 1969. Die Schatzfunde der Iberischen Halbinsel. Berlin.
- Strong D.E. 1966. Greek and Roman Gold and Silver Plate. London.
- Taylor T. 1992. The Gundestrup Cauldron. // Scientific American. March 1992.

Рис.1. 1 - нагрудный фалар; 2 - бляшка для крепления султанчика; 3 - налобная бляха.

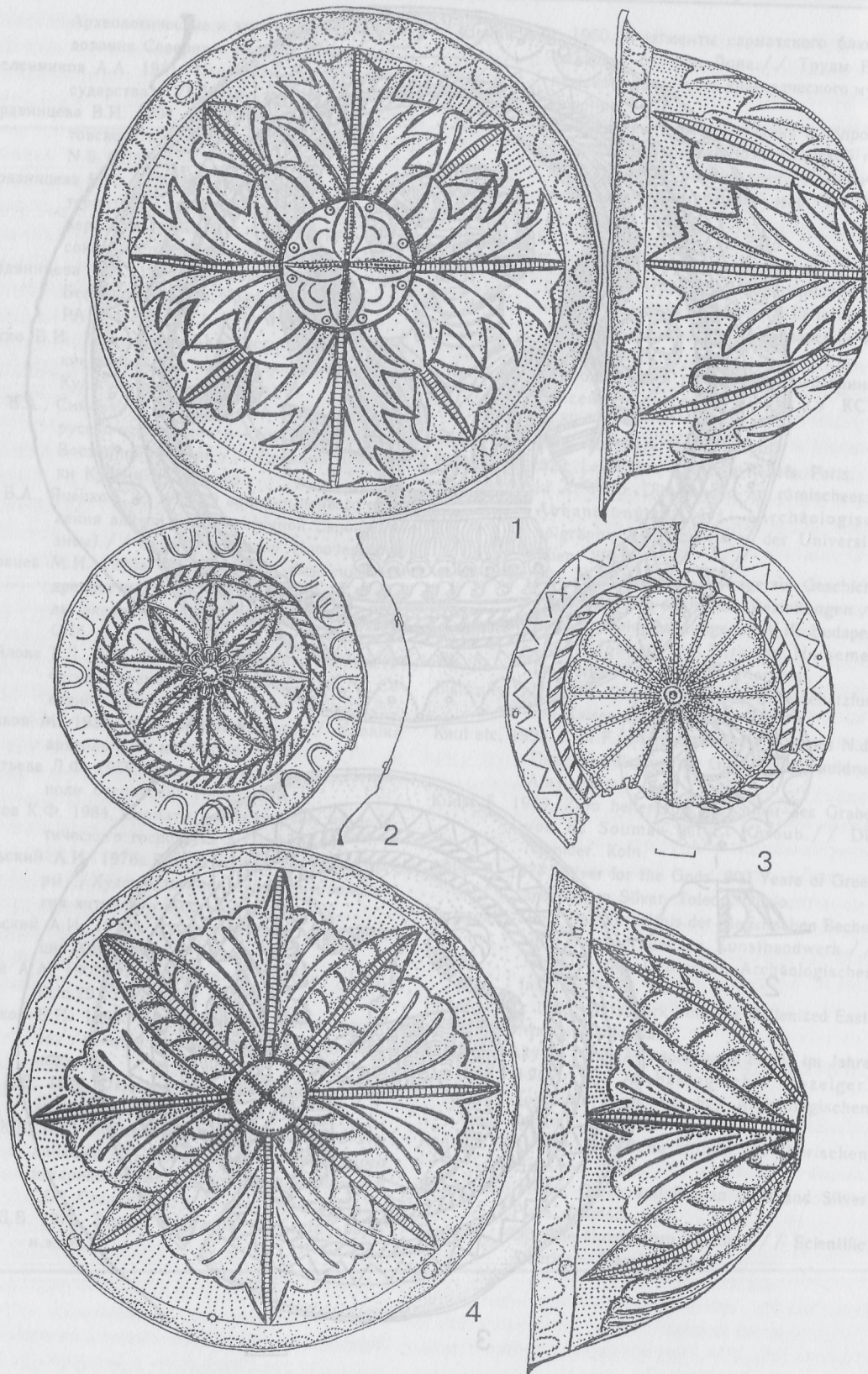

Рис.2. 1,4 - наплечные фалары; 2,3 - фалары уздечки.

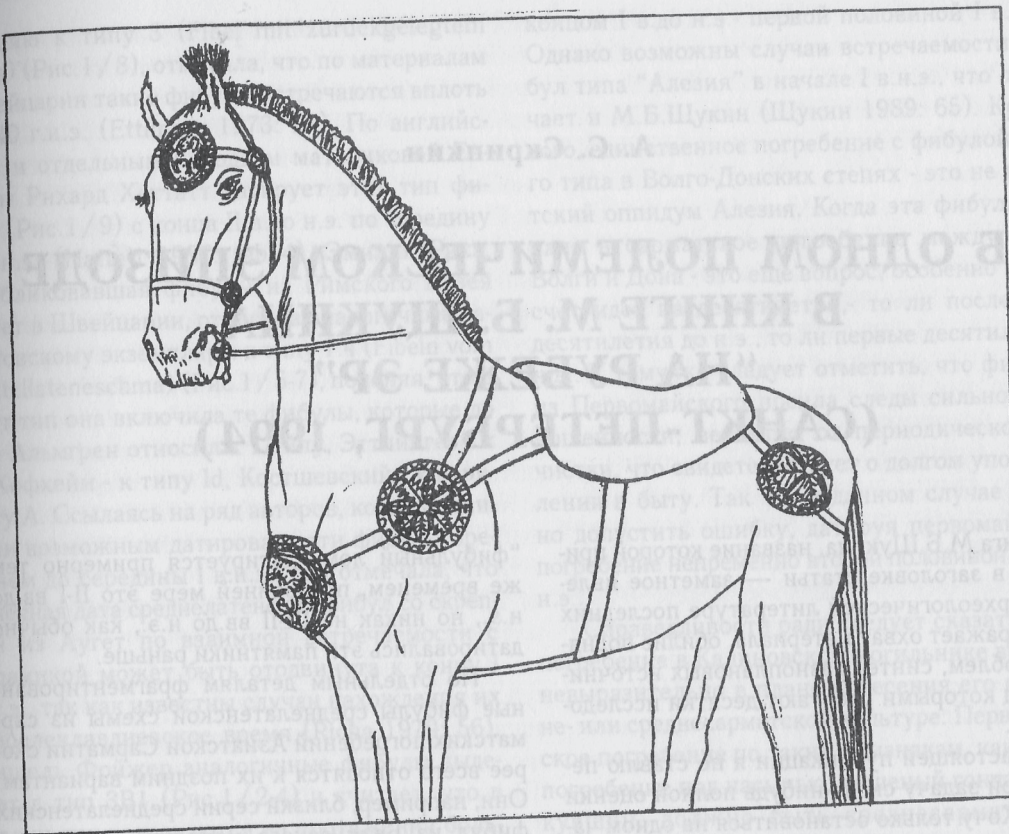

Рис.3. Реконструкция парадного конского убора из Янчокракского клада.